

УДК 1(071)

**Проблема человека в персонализме
Б.П. Вышеславцева и Л.П. Карсавина**

Миргородский Андрей Александрович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Волгоградская академия МВД России (Донецкий филиал),
283050, Российская Федерация, Донецк, пр. Б. Хмельницкого, 84;
e-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Василиади Александр Христофорович

Преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Волгоградская академия МВД России (Донецкий филиал),
283050, Российская Федерация, Донецк, пр. Б. Хмельницкого, 84;
e-mail: Alexandro220897@gmail.com

Аннотация

Предметом исследования является содержание концепции проблемы человека в русском христианском персонализме. Объектом исследования является русская христианская философия. Автор рассматривает заявленную проблему на примере творчества видных русских мыслителей – Б.П. Вышеславцева и Л.П. Карсавина. При этом, по Б.П. Вышеславцеву, все творчество, вся культура и религия есть сублимация, берущая направление на то, что открывается как высшая главная ценность. В работе выдвигается идея, что идеал христианства состоит не в аскетике, а в гармоничной личности, активно преобразующей мир, в том числе, как по К. Марксу, с помощью труда. Таким образом, Л.П. Карсавин приходит к понятию соборной или симфонической личности. Методологической основой исследования стали принципы выделения базовых положений философских текстов русских мыслителей сквозь призму феноменологического подхода. Основными выводами проведенного исследования является то, что христианский персонализм представляет собой религиозную парадигму в осмыслении проблемы человека, что человек в русском христианском персонализме, несмотря на свою автономность, все же подчинен божественному объективному началу. Особым вкладом автора в исследовании темы является то, что в гармоничной природе человека он находит истинный и последний смысл человека как духовного, социального и биологического существа. Новизна исследования заключается в том, что на основе анализа религиозно-персоналистической литературы сделан оригинальный вывод о том, что человек на основе деятельного творчества из средства достижения каких-либо целей Абсолюта должен стать всесторонней и гармоничной личностью как необходимой высшей целью общественного развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Миргородский А.А., Василяди А.Х. Проблема человека в персонализме Б.П. Вышеславцева и Л.П. Карсавина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 8А. С. 51-58.

Ключевые слова

Абсолют, антропология, двуединство, закон, интуиция, личность, нравственность, персонализм, свобода, творчество.

Введение

Актуальность темы в целом определяется прежде всего особенностями современного кризисного состояния постмодернистской культуры, которая резко противопоставляется классическому укладу жизни. Главной же задачей для современных общественных наук является формирование действенной человеческой морально-правовой культуры в сфере общественных отношений. При этом именно на современном этапе проблема человека сквозь призму вопроса о субъекте исторического развития составляет важную сферу философствования.

Основное содержание

Круг вопросов, затрагиваемых в данной статье, в полной мере проанализированы в работах многих современных авторов, историков русской философии [Ермишин, 2023; Сагатовский, 1994; Сабиров, 1995; Суходуб, 2001]. При этом заявленная антропологическая проблематика обстоятельно изложена в фундаментальной работе «Русский персонализм» [Половинкин, 2020]. Также невозможно обойти вниманием и наработки западных авторов [Мунье, 1994].

Ярким представителем русского христианского персонализма является творчество Бориса Петровича Вышеславцева. Его философско-антропологические идеи были отражены в таких его работах, как «Этика Фихте», «Вечное в русской философии», «Этика преображенного Эроса» (1931).

Для Б.П. Вышеславцева главная творческая сила – не закон, а любовь (благодать) как наивысшая ценность, поскольку, согласно Евангелию от Иоанна, «Бог есть любовь» [Вышеславцев, 1994, с. 70]. Б.П. Вышеславцев отмечает, что ветхозаветный закон не указывает конкретного деяния, а лишь ставит границы и табу, поэтому в противостоянии со злом «проигрывает», потому что радикальное преодоление зла достигается не внешним пресечением зла, не обратным злом, а положительным созиданием добра.

Для Б.П. Вышеславцева главное в христианском персонализме – это приглашение в «царство конкретного творчества добрых поступков». По мнению мыслителя, именно христианство предложило новый путь борьбы со злом: не противостоять ему из-за добрых побуждений как самих по себе. Дело в том, что императивы закона касаются лишь внешних действий. Внешним поступкам можно противопоставить только такие духовные качества, как любовь, вера, благодать, радость, мир, долготерпение, милосердие. Этих «даров духовных» нельзя получить, «соблюдая закон». Если они наличествуют, то закон в таком случае является лишним. Другой вопрос: как достичь данных даров?

Дело в том, что особенным даром проникновения в подсознание обладает воображение,

потому что норму или закон невозможно вообразить – их можно только помыслить. Таким образом, христианский персонализм говорит о свободе воображения. В отличие от И. Канта, для Б.П. Вышеславцева нельзя любить закон – закон можно только уважать, любить же можно только конкретный человеческий образ. Любить идеал или идею можно только воплощенные в живом лице, в конкретном образе, то есть при помощи воображения. Таким образом, высшая сублимация есть замещение Эроса при помощи воображения.

Сублимация ярко противопоставляет христианскую аскетику и мистику всей нехристианской – индийской, неоплатонической, гностической, стоической. В последних есть не сублимация, а отрешение от мира: не спасение мира, а спасение от мира. Это проявляется в ненависти к браку, к плоти, к рождению, что, по Б.П. Вышеславцеву, еретично для христианина, потому что любовь есть глубинная связь человеческого сердца с Богом [Вышеславцев, 1990]. То есть существует большая разница между сублимированным и отрешенным Эросом. Следовательно, христианская этика есть этика благодати и сублимации, а не отрешения, поэтому ее задача есть всеобщее спасение. Прежде всего человек способен любить и быть любимым, и в этом заключается его богоподобие [Вышеславцев, 1994]. При этом Эрос бесконечно больше объемлет, нежели *libido* как эротическая влюбленность. Например, К.Г. Юнг понимает *libido* как основную психическую энергию. Эрос Платона также означает существенную и несводимую функцию стремления души, уходящую в бесконечность и многообразную по содержанию, но всегда направленную на возрастание бытия. То есть Эрос есть влюбленность в жизнь, «аффект бытия» (И.Г. Фихте), рождение в красоте, жажда полноценности и вечной жизни. В конце концов, Эрос есть жажда воплощения, преобразования и воскресения, вера, что «красота спасет мир» (Ф.М. Достоевский). По мнению Б.П. Вышеславцева, христианство как религия абсолютно желанного сказало то, чего искал и что предчувствовал Платон. При этом сублимация вообще не останавливается. Это творчество вместе с Богом [Вышеславцев, 1994, с. 19].

Философ логично приходит к выводу, что все творчество, вся культура и религия есть сублимация, берущая направление на то, что открывается как высшая ценность: «где сокровище ваше, там и сердце ваше». Перефразируя евангельские слова, Б.П. Вышеславцев обобщает, что, где присутствует высшая ценность для человека, там и его Эрос. При этом все христианские символы из Эроса вырастают: Отец, Сын, Мать, Жених, Невеста, братья. Как видим, если бы брак были чем-то низким и презренным в христианстве, то эти символы не могли бы возникнуть, а «Песнь песней» не могла стоять в каноне священных книг.

К христианским идеям Бориса Петровича Вышеславцева наиболее тесно примыкают персоналистические идеи Льва Платоновича Карсавина, поэтому в данной статье мы рассматриваем их идеи всецело и комплексно. Его работы посвящены исследованию средневековых религиозных течений и духовной культуры Средневековья. Философская система Л.П. Карсавина сложилась в следующих работах: «*Saligia*, или весьма краткое размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах» (1919), «Восток, Запад и русская идея» (1922), «О добре и зле» (1922), «Философия истории» (1923), «О началах» (1925), «О личности» (1929). В 1922 году Л.П. Карсавин пишет философский трактат «*Noctes Petropolitanae*» («Петербургские ночи»). Данный аспект приобретает особую актуальность в свете учения о симфонической личности в творчестве Л.П. Карсавина, которую разрабатывает С.С. Хоружий [Хоружий, 1994]. Историю мыслитель рассматривает сквозь призму категории всеединства и любви. Он продолжатель метафизики всеединства В.С. Соловьева в русской философии. Историю Л.П. Карсавин рассматривает как историю культуры, как взаимодействие

культур, приведение их к подлинному всеединству. Категория всеединства – динамический принцип становления бытия в качестве фундаментальной категории исторического процесса, историософии и антропологии. Согласно Л.П. Карсавину, человеческая личность реализуется лишь в любви, где она двуедина и целостна. Таким образом, любовь – конститутивный принцип расширения человеческой личности, выхода ее из себя как своеобразного центра.

В любви познается, что личность есть часть высшей реальности, другая половина которой находится в любимом человеке. Поэтому «любовь зарождается в разделении, исходит из раздвоения, обусловленного и созданного Единством» [Карсавин, 2004, с. 15]. По Л.П. Карсавину, двуединство – основной признак полной и подлинной человечности. Она распространяется на всех и на все окружающее, приближаясь ко вселенской Церкви (Ф.М. Достоевский). Л.П. Карсавин широко использует темы и образы Ф.М. Достоевского, в частности – его произведение «Братья Карамазовы». Мыслитель анализирует любовь Федора Павловича Карамазова, в которой отражается всеединая любовь. Нет такой цели, ради которой допустима была жертва «детской слезинки». Здесь производится критика античеловечности. Как видим, метафизика любви Л.П. Карсавина связана прежде всего с экзистенциально-персоналистической парадигмой в философии.

Философия личности у Л.П. Карсавина воплощается в бытии божественном. Человек имеет бытие не собственное, а лишь то, которое отдается и жертвуется ему Абсолютом. Так раскрывается взаимосвязь личности со всеединством. Потому Личность не случайна, а исконно-Божественна, она всеедина и вневременна. По мнению русской религиозно-философской мысли, христианство – религия личности. Например, у Ф.М. Достоевского даже эмпирическая личность предстает как Абсолют. Христианство же как богочеловеческая религия воплощения указало другие неведомые ценности в мире. Это было безумие для древних греков, но оно победило. По мнению философа, идеал христианства состоит не в аскетике, а в гармоничной личности, активно преображающей мир, в том числе, как по К. Марксу, с помощью труда. Так Л.П. Карсавин приходит к понятию соборной или симфонической личности. Философ утверждает, что полнота Истины выходит за пределы противоположности между теизмом (абсолютизация свободы), дуализмом и пантеизмом. Но сотворение мира из ничего не означает для Л.П. Карсавина (в отличие от догматического православия – к примеру, работа «История русской философии» [Зеньковский, 2001]), что Бог сотворил определенное нечто или производную реальность, отличную от самого себя, которая является совершенно иной, чем Он. Л.П. Карсавин считает, что Богоявление (Иерофания) есть самотворение Бога в ничто, трансцендирование божественного бытия в мир: «Бог сотворил творение в Себе и Себя в нем отразил» [Карсавин, 2004, с. 37]. Л.П. Карсавин утверждает, что помимо Бога и без Бога человека абсолютно нет. Таким образом, вера в Бога означает веру в Человека.

При этом для Л.П. Карсавина человек – прежде всего социальное существо, он не существует сам по себе и в самом себе. Когда человек мыслит и обладает волей, чувствуя в Боге и становясь Богом, он стоит лицом к лицу с Богом как другой субстрат его божественного содержания, неотделимого от него. С другой стороны, люди могут быть единственными между собой, Богу же человек – иносущен. В Любви Человек и Бог – одно, но не одна сущность. В связи с этим Л.П. Карсавин объясняет происхождение зла в мире, предлагая свой вариант теодицеи. Он говорит, что в основе своей наслаждение и страдание – не зло, а необходимые моменты всеединства, построенного на любви. Подобно Б. Спинозе и Г. Лейбницу, Л.П. Карсавин определяет зло как ничто, недостаток добра («еще-недобро»). Зло – не личное бытие, а грех и недостаток личности. Л.П. Карсавин следует словам Христа: «Будьте друг в друге и во

Мне, а не разъединяйтесь, осуждая друг друга и горделиво самоутверждаясь. И тогда поймете вы, побеждая немощь, что зла нет. Не противьтесь злему, ибо нет зла и нечему противиться, но творите благо, то есть узревайте во всем, что называют злом, слабый огонек блага и раздувайте огонек этот в пламенение мира» [Карсавин, 2004, с. 58]. Таким образом, задача личности – саморазвитие в раскрытии высшего Абсолюта. Из концепции следует, что только человеческий дух может возвыситься и преобразить (обожить) материю, усовершенствовать ее. И подвиг этот осуществляется не в борьбе с телом и плотью, а в преображении их.

Таким образом, в философской системе Л.П. Карсавина звучит базовый мотив оправдания человека и материи, который мы прежде всего можем встретить у В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова. Только жертвенная любовь преодолевает крайнее самоутверждение, соединяет разделенное, восстанавливает всеединство, упраздняет атомистическую модель человека. Для Л.П. Карсавина жертвенность – не бесполезное самоограничение, она есть истинное освобождение.

Наличие зла в мире в русском персонализме объясняется еще и тем, что человек недостаточно стремится к «выходу из себя» и в этой недостаточности индивид чувствует свою вину. Идея виновности человека проявляется в том, что «мы» своими несправедливыми поступками вносим дефекты в бытие, разрушая его. Как результат, свобода неправильно реализуется и остается лишь добровольной ограниченностью.

У Л.П. Карсавина намечается попытка преодолеть границу между абсолютным и относительным становящимся добром за счет того, что воля человека может из злой стать доброй. Свобода человеческой воли возможна лишь в Боге, так как Бог (Абсолютное) – совершеннейшее Единство, включающее в себя все существующее, что не исключает его многообразия. Одновременно в центре бытия человека – его душа и бессмертие, но нет личного спасения вне всеобщего. Конкретное реализуется в универсальном, из смерти восстает бессмертная жизнь. Мыслителю присущ философский оптимизм. Любовь оказывается выше и сильнее смерти и ограниченной жизни. «Словом увещай, а не осуждай. Не поможет слово увещания – стань между жертвой и мучителем и положи душу свою за братьев твоих, ибо и для них и для тебя великое благо, если будет вместе с телом твоим уничтожена твоя отличность от них и воскреснешь ты в них и в Боге» [Карсавин, 2004, с. 58].

Нужно отметить, что в центре антропологии Л.П. Карсавина – любовь и смерть в неразрывном единстве, которую создает свободная жертвенность. Любовь предполагает смерть, которая сообщает ей последнюю полноту [Карсавин, 2004]. Жертвенная христианская любовь оправдывает физическую смерть. Христос страдает за человека, и человек должен страдать за Христа. Более того, Л.П. Карсавин считает, что того, что было и есть, сам Бог не сделает небывшим, ибо Им все живет, все едино через Христа. В свою очередь человек есть лишь постольку, поскольку причастен любви. Л.П. Карсавин следует формулировке Халкидонского Собора 451 года о нераздельном и неслиянном соединении божественной и человеческой природе во Христе, перенося эту истину на человеческие взаимоотношения.

Л.П. Карсавин отмечает, что жажда власти и господства есть во всякой любви. Любовь включает в себя и гносеологический аспект: «Любовь умудряет нездешнею мудростью. Любовь есть само Познание» [Карсавин, 2004, с. 80].

Мы видим, что это познание (гнозис) скорее не рационалистическое, а интуитивное познание сердцем. Интуитивно философ переходит к отрицательному богословию, отмечая непостижимость Божества. В этом Л.П. Карсавин сближается с интуитивизмом А. Бергсона, Н.О. Лосского, С.Л. Франка и других персоналистических мыслителей.

Л.П. Карсавин в своей центральной работе «Петербургские ночи» приходит к выводу, что любовь – вселенская сила, которая должна воплотить идеальную правду в мире. «Любовь должна объединить и явить подлинную личность любящего, подлинную личность любимой, искаженные жизнью в разорванности мира, а в них – и весь объединенный ею мир» [Карсавин, 2004, с. 115-116].

Л.П. Карсавин солидарен с мыслями П.А. Флоренского и представителями православной греческой патристики, что в любви происходит не слияние-тождество, а слияние в гармоничное единство, не взаимоуподобление, а взаимодополнение. Цель творчества, любви или труда – не безразличное единство, а актуальное двуединство. Л.П. Карсавин, подобно В.С. Соловьеву, определяет дело Любви как свободный и творческий труд [Карсавин, 2004, с. 121].

Заключение

Таким образом, в метафизике Б.П. Вышеславцева и Л.П. Карсавина проблема человека связана с понятием любви как космического феномена, который представляет собой единство жизни и смерти, двуединство духа и тела, наслаждения и ограничения, самоутверждения и самоотрицания, мужественности и женственности. В их живой диалектике рождается творческая сила бытия. Так проявляется религиозный эротизм, христианский Эрос, подобный концепции, изложенной в «Этике преображенного Эроса» Б.П. Вышеславцева. Правда, совершенная двуединая любовь может быть лишь в Троиединстве. Для Л.П. Карсавина, как отмечает С.С. Хоружий [Хоружий, 1994], в философии главной предстает триада «Первоединство – Саморазъединение – Самовоссоединение (Троиединство)». То есть возрождение человеческой личности «Я» через принятие другой человеческой личности.

Итак, антропология Л.П. Карсавина характеризуется творческим соединением любящих людей в нераздельное двуединое «Я» силою действующей в них Любви. Любовь – такое единение с Богом, в котором «Он она и я – одно, неслиянно и нераздельно» [Карсавин, 2004, с. 133].

Таким образом, проблема человека в русском христианском персонализме разрешается за счет активности самой человеческой личности, ее устремленности к новому творчеству, что ярко проявляется в любви, преодолению ограниченности «Я». Соответственно, преобладание объективного и божественного начала в человеческой жизни, подчиненная роль человека в различных объективных материальных или идеальных системах отношений были восприняты в последующем как магистральная черта русской христианской философии. При этом цель и смысл человека заключается в приоритетной роли самой индивидуальной жизни каждой личности и ее самоценности, но в рамках божественного абсолютного бытия.

Библиография

1. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 62-87.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 367 с.
3. Ермишин О.Т. Образ человека и антропология в философии русского зарубежья XX века / О.Т. Ермишин // Философские науки. – М., 2023. – № 66 (3). – С. 63-81.
4. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
5. Карсавин Л.П. *Saligia. Noctes Petropolitanae* / Л.П. Карсавин. – М.: АСТ, 2004. – 237 с.
6. Мунье Э. Что такое персонализм? / Э. Мунье; [пер. с франц., примеч. И. С. Вдовиной]. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – 128 с.

7. Половинкин С.М. Русский персонализм / С.М. Половинкин. – М.: Синаксис, 2020. – 1156 с.
8. Сабиров В.Ш. Русская идея спасения: Жизнь и смерть в русской философии / В.Ш. Сабиров. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. – С. 60-150.
9. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? / В.Н. Сагатовский. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 100-140.
10. Смысл жизни: Антология. – М.: Издательство «Прогресс и культура», 1995. – 380 с.
11. Суходуб Т.Д. Еще раз о духовности (Философия «русского религиозного ренессанса» и пути человека времени «смены эпох») / Т.Д. Суходуб // Collegium. Международный научный журнал. – Киев, 2001. – № 11. – С. 159-169.
12. Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // С.С. Хоружий. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 131-188.

The Human Problem is in personalism B.P. Vysheslavtsev and L.P. Karsavin

Andrei A. Mirgorodskii

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Donetsk branch),
283050, 84B, Khmel'nitsky ave., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Aleksandr Kh. Vasiliadi

Lecturer,
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Donetsk branch),
283050, 84B, Khmel'nitsky ave., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: Alexandro220897@gmail.com

Abstract

The subject of the research is the content of the concept of the human problem in Russian Christian personalism. The object of the research is the Russian Christian philosophy. The author examines the stated problem using the example of the work of prominent Russian thinkers – B.P. Vysheslavtsev and L.P. Karsavin. At the same time, according to B.P. Vysheslavtsev, all creativity, all culture and religion is sublimation, taking the direction of what is revealed as the highest main value. The paper puts forward the idea that the ideal of Christianity does not consist in asceticism, but in a harmonious personality actively transforming the world, including, as according to K. Marx, with the help of labor. Thus, L.P. Karsavin comes to the concept of a conciliar or symphonic personality. The methodological basis of the research is the principles of highlighting the basic provisions of the philosophical texts of Russian thinkers through the prism of a phenomenological approach. The main conclusions of the study are that Christian personalism is a religious paradigm in understanding the human problem, that a person in Russian Christian personalism, despite his autonomy, is still subordinate to the divine objective principle. The author's special contribution to the study of the topic is that in the harmonious nature of man he finds the true and final meaning of man as a spiritual, social and biological being. The novelty of the research lies in the fact that, based on the analysis of religious and personalistic literature, an original conclusion was made that a person

on the basis of active creativity from a means of achieving any goals of the Absolute should become a comprehensive and harmonious personality as a necessary supreme goal of social development.

For citation

Mirgorodskii A.A., Vasiliadi A.Kh. (2024) Problema cheloveka v personalizme B.P. Vysheslavtseva i L.P. Karsavina [The Human Problem is in personalism B.P. Vysheslavtsev and L.P. Karsavin]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (8A), pp. 51-58.

Keywords

The Absolute, anthropology, the duality, Law, intuition, personality, morality, personalism, freedom, creativity.

References

1. Vysheslavtsev B.P. The heart in Christian and Indian mysticism / B.P. Vysheslavtsev // Questions of philosophy. – 1990. – No. 4. – P. 62-87.
2. Vysheslavtsev B.P. Ethics of the transformed Eros / B.P. Vysheslavtsev. – M.: Republic, 1994. – 367 p.
3. Ermishin O.T. The image of man and anthropology in the philosophy of the Russian abroad of the century / O.T. Ermishin // Philosophical Sciences. – M., 2023. – № 66 (3). – P. 63-81.
4. Zenkovsky V.V. History of Russian philosophy / V.V. Zenkovsky. – M.: Academic Project, Rarity, 2001. – 880 p.
5. Karsavin L.P. Saligia. Noctes Petropolitanae / L.P. Karsavin. – M.: AST, 2004. – 237 p.
6. Munier E. What is personalism? / E. Munier; [translated from French, note by I. S. Vdovina]. – Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1994. – 128 p.
7. Polovinkin S.M. Russian personalism / S.M. Polovinkin. – M.: Synaxis, 2020. – 1156 p.
8. Sabirov V. Sh. Russian Idea of Salvation: Life and Death in Russian Philosophy / V. Sh. Sabirov. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1995. – P. 60-150.
9. Sagatovsky V.N. Russian idea: will we continue the interrupted path? / V.N. Sagatovsky. – St. Petersburg: Petropolis, 1994. – P. 100-140.
10. The meaning of life: An Anthology. – M.: Progress and Culture Publishing House, 1995. – 380 p.
11. Sukhodub T.D. Once again about spirituality (Philosophy of the "Russian religious Renaissance" and the way of man of the time of the "change of epochs") / T.D. Sukhodub // Collegium. International Scientific Journal. – Kiev, 2001. – No. 11. – P. 159-169.
12. Khoruzhy S.S. The life and teachings of Lev Karsavin // S.S. Khoruzhy. After the break. The ways of Russian philosophy. – St. Petersburg: Aletya, 1994. – P. 131-188.